

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСПОМИНАЯ «ЮНОСТЬ»

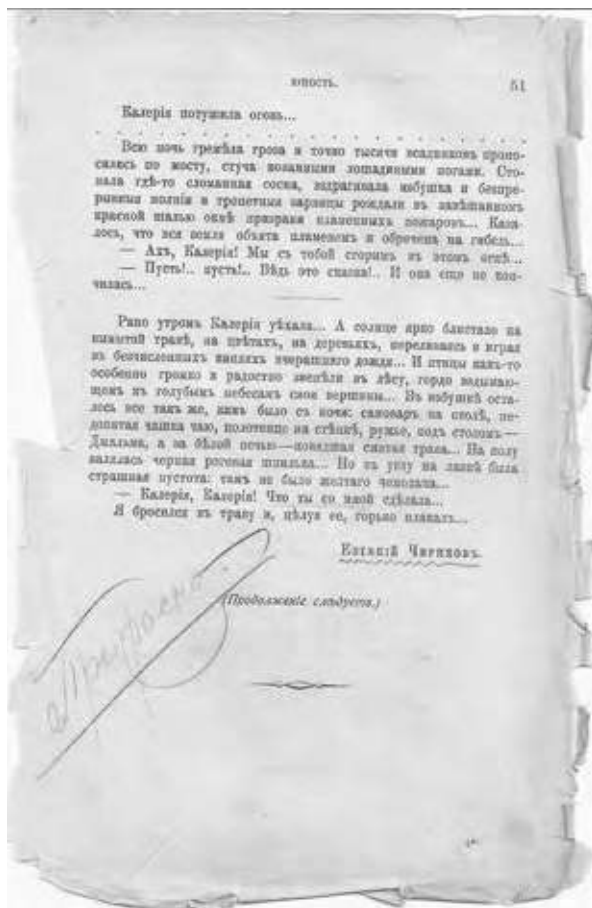
Из всех романов моего прадеда Евгения Николаевича Чирикова я всегда на первое место ставил роман о Гражданской войне «Зверь из бездны», настолько он меня потряс своей искренностью, психологизмом и трагизмом той эпохи, свидетелем и участником которой стал сам писатель.

Но чем больше я уставал от политики, тем больше сердце тянулось к чистым, искренним и светлым чувствам, которые в основном присущи юности с ее мечтами, влюбленностями, порывами сделать что-то важное и нужное для любимых близких, окружающего общества и своей родины, в которой так много несовершенного и несправедливого. Если такие мысли и порывы приходят, непременно руки потянутся к более раннему роману Евгения Николаевича «Жизнь Тарханова» и особенно первой его части «Юность». Наверное, после многочисленных книг и фильмов, напол-

ненных жестокостью, обманом, сгоняренной борьбой и стремлением к наживе, сегодняшнему читателю роман покажется в чем-то наивным, в чем-то сентиментальным... Но он такой искренний и красивый по выразительности языка и мыслям героев, что невольно отодвигаешь несвойственную нашему веку чувственность и начинаешь наслаждаться другой эпохой и другими людьми, которые жили и мечтали в то далекое время.

И тогда, окончательно погрузившись в мир романа, начинаешь не только понимать, но и ощущать те восторги, которые читатели конца XIX — начала XX века выплескивали то на страницах книги, то в своих письмах, а то и в своих дневниках и воспоминаниях, которых в отношении романа «Юность» было немало. Вот лишь некоторые следы, дошедшие до нас из прошлого, тесно связанные с романом Евгения Николаевича Чирикова «Юность».

Первые и самые ранние. В моей домашней библиотеке хранится первая публикация романа «Юность» на страницах пяти номеров петербургского журнала науки, политики и литературы

Страницы журнала «Вестник Европы» с пометками читателей, 1911 год

Светлой памяти писателя Е. Н. Чирикова

Когда я узнал из «Нового Русского Слова» о смерти Евгения Николаевича Чирикова, то болью отозвалось в сердце это печальное известие. Ушел хороший человек. В моей жизни Чириков, как писатель играл исключительную роль. Его я полюбил уже давно. И вот однажды судьба столкнула нас близко в трудную минуту.

На одном и том же пароходе мы покинули родину. Наш пароход был перегружен толпой несчастных, переутомленных, с опустевшими душами людей; это была именно та серая, однообразная безликая масса, заполнившая угольные трюмы, кубрик палубы. Она шевелилась, переливалась, теснясь у пароходов. Женщины и дети, молодые и старики — все перемешались. И вот среди изгнанников — писатель Чириков. И он выпил эту чашу до дна наравне с нами. Горькую чашу изгнания. Он стоял неподвижно, будто застыл и с великой грустью на своем умном, задумчивом лице смотрел на удаляющиеся крымские берега. Море было совершенно спокойно и над водой поднималась прозрачная дымка.

Берега тускнели. Вот они осветились на время далекими пожарами и исчезли, будто растаяли. А напряженный взор не мог оторваться и все устремлялся к ним, уже невидимым, родным берегам.

Французы приняли нас на свой паек. На следующий день выдавался хлеб. Чириков! Услышав в оклик над самим ухом. Он, показывая мне особенно грубым, неподвижно и усталым любимым жестом. Скромность, смиренная покорность и грусть, великая грусть была в его глазах.

Каким он был мне близким, родным! Если бы он только знал в ту минуту какую роль он сыграл в моей жизни! Сколько глубокая переживания он вызвал в моей душе в минуты внутренней борьбы. . . Давно-давно, в пору моей молодости, . . . любви. . . И вспоминался мне образ злобной, светлой образ чистой девушки: Она держала в ру-

кай, стиснутой, не взирая на боль, подавая мне, — и уверена она мне поправала. Та книга была «Юности Чирикова. В этой книге я увидел свои чувства, сомнения и тревоги, высказанные так ясно и просто. Каждая строка дышала свежестью. И еще тогда я полюбил и полюбил автора. И эти воспоминания.

Большой день в театре Промышленного бульвара в Севастополе. Инспекторский суд над русской интеллигенцией. Те судят за участие в войне на немецкой и общей разрушениях, против женщин, против стариков с детьми. Близкого фронта. Быть может завтра может убито. Центр всеобщего авиации — близкий фронт. И вот здесь, сейчас, как поддерживая духа на фронт собирались и будут судить интеллигенцию.

Президентский суд А. А. Ахматов — когда-то широчайшая фигура этого Крыма первой государственной думы, а ныне расквашенная в своем политическом грехе.

Я и числе прессы как заступатель. Говорит страстным речью Федор Баткин, аметая фигура в Крымском движении, сумрачный Ножи, о. Славский и жонглирует др.

Говорили много и долго. Интеллигенция была оправдана. А на следующей день в Севастопольской газете появилась злобная статья Е. Н. Чирикова.

В статье много было слов, но в каждое было сказано. Он скорбел, болел душой за родину. Он осуждал

Гавана, Куба.

«Городник Чириков» — сын интелли. Я выдал его в первый раз. Но почему он лепялся, почему и полюбил его? В его лице и фигуре, в его непосредственные свободных, но сдержанных мимиках и воспитанных и прочее: долг, ум, честность, доброта, глубина, деловитость. . . юность!

И этот малый образ, прозвучавший среди общего и серого, и связан с другими образами, уже сроднившимся с моей душой. . . а сейчас со светлой памятью его отца, дорогого писателя Евгения Николаевича Чирикова.

Г. Н. Гавана, Куба.

БЕРЕЧЬ ТОПЛИВО

Президиум ЦКК и коллегия РГОИ решили продать трехмесячные боробы за акционерного топлива до 1 апреля. В качестве основной задачи хозяйственников, руководящих предприятиями, предельно снизить удельные нормы расхода топлива не менее, чем на 10 проц. против норм 4-го квартала 1931 года. Местные органы РГОИ предложено применять к строившейся партийной и советской от-

ветственности всех, выполняющих работу по экономии топлива.

Провал «Красного дня» ПАРИЖ — Объявленный Коминтерном «Красный день» в пользу провала. В Париже никакого интереса к демонстрациям коммунистов не было. Во время столкновения было ранено всего два коммуниста. О полном провале «Красного дня» сообщают также из других стран.

А вот уже признание в любви автору «Юности» русского беженца из далекой Гаваны в 1932 году, написавшего взволнованное письмо после известия о смерти Е. Н. Чирикова в американскую газету.

Газета «Новое русское слово», суббота, 6 февраля 1932 года

Светлой памяти писателя Е. Н. Чирикова

Письмо читателя

Когда я узнал из «Нового русское слово» о смерти Евгения Николаевича Чирикова, то болью отозвалось в сердце это печальное известие. Ушел хороший человек. В моей жизни Чириков как писатель играл исключительную роль. Его я полюбил уже давно. И вот однажды судьба столкнула нас близко в трудную минуту.

На одном и том же пароходе мы покинули родину. Наш пароход был перегружен толпой несчастных, переутомленных, с опустевшими душами людей; это была какая-то серая однообразная безликая масса, заполнившая угольные трюмы, кубрик палубы. Она шевелилась, переливалась, теснясь у пароходов. Женщины и дети, молодые и старики — все перемешались. И вот среди изгнанников — писатель Чириков. И он выпил эту чашу до дна наравне с нами. Горькую чашу изгнания. Он стоял неподвижно, будто застыл, и с великой грустью на своем умном, задумчивом лице смотрел на удаляющиеся крымские берега. Море было совершенно спокойно, и над водой поднималась прозрачная дымка.

Берега тускнели. Вот они осветились на время далекими пожарами и исчезли, будто растаяли. А напряженный взор не мог оторваться и все устремлялся к ним, уже невидимым, родным берегам. . . Французы приняли нас на свой паек. На следующий день выдавался хлеб. «Чириков!» — услышал я оклик над

Статья с письмом читателя из Гаваны. Русскоязычная газета «Новое русское слово» (США) от 6 февраля 1932 года

«Вестник Европы» в 1911 году. Первое, что бросается в глаза, — надписи читателей того времени на полях: «Прекрасно» и «Очень даже интересно и советую ее читать».

Удивительно, как они дошли до наших дней, не стерлись, хотя были написаны карандашом. Слово обращение к нам, современным читателям.

Открытие выставки о жизни и творчестве Е. Н. Чирикова в Минске, 2016 год. Рядом с правнучкой Еленой и внуком писателя Евгением Евгеньевичем Чириковым — Калерия Иосифовна Степанцевич (вторая справа)

Обложка американского издания романа Е. Н. Чирикова «Юность» на русском языке. Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1955 год

самым ухом. Оклик, показавшийся мне особенно грубым. Неподалеку я увидел любимого писателя. Скромность, смирение, покорность и грусть, великая грусть была в его глазах.

Каким он был мне близким, родным!

Если бы он только знал в ту минуту, какую роль он сыграл в моей жизни! Сколько глубоких переживаний он вызвал в моей душе в минуты внутренней борьбы... Давно-давно, в пору моей молодости... любви...

И вспомнился мне образ любимый, светлый образ чистой девушки. Она держала в руках книгу.

— Прочтите, — сказала она мне, подавая книгу, — я уверена, она вам понравится.

Та книга была «Юность» Чирикова. В этой книге я увидел свои чувства, сомнения и тревоги, высказанные так ясно и просто.

Каждая строка дышала свежестью. И еще тогда я понял и полюбил автора.

г. Гавана, 1932 год

Много лет минуло с той поры. Роман переиздавался в разных странах на многих языках, в том числе и на русском. Им зачитывались и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы, но не в Советском Союзе. В но-

вой России он появился на дисках в виде аудиокниги, но с другим названием — «Гимназистка». До сих пор роман не издан полностью. Наверное, еще придет его время. А память об этом романе, его авторе и героях живет.

В 2014 году взял в руки только что изданную Пушкинским домом книгу «Ольга Берггольц. Начало (по ранним воспоминаниям)» Н. А. Прозорова. Дохожу до 87-й страницы и читаю страницы дневника Ольги Берггольц (тогда многие девушки вели дневники с сокровенными мыслями и признаниями) о романе Е. Н. Чирикова «Юность» и его героине Зое. Восхищение юной Ольги этой героиней было столь велико, что она стала во всем подражать литературной Зое: сменила прическу, одежду, манеры, а самое главное, хотела быть такой же любящей, искренней и чистой в своих мечтах и помыслах.

Вот пример воспитательной роли литературы, когда формируется мировоззрение и жизненные установки, воспитываются чувства и закладываются

Обложка французского издания романа Е. Н. Чирикова «Юность». E. Tchirikoff «Jeunesse» (роман «Юность», первая часть тетралогии «Жизнь Тарханова»). Издательство Payot, Париж, 1928 год

Dr. H. Bergerhoff Davos-Platz · Tel. Nr. 142
vis-à-vis Sanatorium Victoria **Photohaus**

БÄКЕРЕИ TEUFEN

Lieferung ins Haus
Tel. Nr. 74

Vollkornbrot
Schwarzbrot
Zwieback

Das Kleid,
der Mantel
von Pfister Couture
jung oder nach Maß
und Sie werden befriedigt sein

E. Baumann, Davos-Platz
Haus 211/109 · Telefon 217
Süßbröckchen und Delikatessen
Kolonialwaren, Frischgemüse
Ausgestattete Tafelbest
Milde Preise

Mina Lamparter
Corsetière
Davos-Platz
Händelhof · Tel. 200

OTTO KREUZEDER

Davos-Platz, Haus Seefeld, Tel. 531
Promenade (gegen der engl. Kirche)

HERREN- UND DAMEN-SCHNEIDER
nach Maß · Taille made · Sur mesure

**GRAUBÜNDNER
KANTONALBANK**

— Hauptort —

DAVOS

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

— Filiale —

Verwaltung sämtlicher Bankgeschäfte. Telefon 936

DAVOSER REVUE

XI. JAHRGANG

APRIL 1936

NUMMER 7

INHALT: Eugen Tschirikow: Frühling. — Betty Knobel: Geliebte. — F. Ferdmann: Sport in Altdorf. — Hansische Studie. — Martin Schmid: Volkstänze in Brienzen. — Zur Dichtung von P. J. J. — H. H. H. — H. H. H. — Davoser Chronik.

FROHLING

AUS EINEM JUGENDROMAN VON EUGEN TSCHIRIKOW

Ach, Liebe an den Lebensschwefel, deine Freude
ist so schön und leicht und die Lust von Freude,
Traurige Freude und süßes Leid. . . .

Einmal an einem Frühlingmorgen saß ich in einem stillen Winkelchen des Stadtgartens und bereitete mich zum Abiturium vor. Der Frühling stand in voller Pracht: es blühte der Faulbaum und entfaltete sich der Flieder; die Blätter an den Bäumen waren noch nicht von Staub bedeckt und schienen eben frisch angestrichen und lackiert zu sein; auf den smaragdnen Wiesen tanzten über gelben Blüten die ersten Schmetterlinge, im Dickicht der Sträucher aber verhandelten die Spatzen besorgt die kommenden Plackereien der Einrichtung ihrer Familienherde. Die frohlockende Sonne hatte den Tau des Grases und der Blätter noch nicht trinken können, und die langen Schatten durchschnitten noch die Wege des Gartens und spendeten frische, aromatische Kühle. . . .

Hier, im entgegenen Winkel des Gartens, war es still und menschenleer; der Lärm der erwachenden Stadt drang gemildert hierher und störte nicht zu denken und dem zärtlichen Raunen der Blättchen zu lauschen und den scheuen Geheimnissen der Seele, in der die Freude des Lebens klang und erste Ahnungen junger Liebe. Das melodische Glockengeläute einer fernen Kirche und das Gackern eines Hühners, das eben ein Ei gelegt hatte, das zärtliche Flüstern des Laubes und die Sonnenflecken auf den Wegen trugen die Seele in ein Reich unklarer und träger Träumereien davon und verschmolzen zu einer allgemeinen Freudenhymne des Lebens, die die ganze erneuerte Natur ihm sang. . . .

Welch eine Freude — das Leben zu fühlen und wieder zu wissen noch zu denken, warum man auf der Welt lebt! Warum Faulbaum und Flieder wachsen, warum sie blühen

Страницы швейцарской газеты «Давосер Ревю». Eugen Tschirikow "Fruehling" («Весна», отрывок из романа «Юность») (Aus einem Jugendroman von Eugen Tschirikow), газета Davoser Revue, Nummer 7, XI. Jahrgang, April 1936 (стр. 157–164)

ся понимание добра и зла, прекрасного и безобразного, искреннего и лживого... К этому всегда призывала классическая русская литература, частью и продолжателем традиций которой был Евгений Николаевич Чириков.

Проходит еще несколько лет, и я неожиданно получаю письмо от одной незнакомой женщины из Минска. Привожу его дословно и почти без сокращений.

23.03.2016

Здравствуйте, Михаил! Меня зовут Ветой. Я из Беларуси.

Я очень интересуюсь творчеством Евгения Николаевича Чирикова. Хочу рассказать вам историю, связанную с трилогией «Жизнь Тарханова».

Во время учебы в консерватории мне посчастливилось встретить уникального человека — Калерию Иосифовну Степанцевич. Она родилась в 1926 году в Нижнем Новгороде, музыковед, училась в «Гнесинке». Она стала основоположником белорусского музыковедения и была

много лет проректором консерватории. Этот удивительной доброты и душевной щедрости человек стал моим педагогом и лучшим другом. В этом году ей исполнилось 90 лет — она до сих пор преподает в консерватории и исполняет свои обязанности преподавателя в полном объеме.

Как-то Калерия Иосифовна рассказала мне, что называли ее этим именем потому, что мать была увлечена романом «Жизнь Тарханова». Но сама Калерия Иосифовна никогда не читала этого произведения, о чем сожалеет.

В Национальной библиотеке Беларуси есть первая часть, которую не выдают на руки. Очень хотелось бы сделать подарок Калерии Иосифовне. Буду пытаться приобрести через Интернет.

Я вижу, с какой гордостью и любовью вы храните память о ваших замечательных предках. Это так радостно видеть!

У меня есть вопрос по поводу продолжения «Жизни Тарханова» — 4-й части «Семья», изданной в Берлине в 1925 году (может, я ошибаюсь). Книга была издана на

Al dejar esta vida, te envío a ti, muchacha pura y santa, mi último saludo. Te agradezco las mejores horas de mi vida que me regalaste con tu amor. Es posible que te quiera sólo a ti. Pero algo se interpuso entre nosotros, oscuro, invencible y destruyó nuestra felicidad. ¡Perdóname! En las últimas horas de mi vida, tu silueta se alza ante mis ojos. ¡Adiós, para siempre!
GENNIA.

Después escribí al estudiante Kasianov. "Adiós para siempre, amigo Kasianov. No me guardes rencor y no te riundas a la vida como yo he hecho. Gennia Tarjanov."

Lo preparé todo. Puse todas las cartas en un paquete sujeto con una cuerda y la inscripción: "Abrirlo después de mi muerte".

¡Todo! Ya está todo... Estoy triste y solitario. Como si estuviera yo solo en todo el mundo. Tengo ganas de hablar y desahogar mi alma con alguien, decirle que estoy predestinado a morir y que, sin embargo, tengo deseos de vivir, unos deseos locos de vivir... ¡Pronto! ¡Fuera de esta solitaria habitación que tiene ya el hedor frío de la muerte! ¡Allá, con las gentes, al sol, al mar...! Con una prisa injustificada, como si tuviera que solventar un asunto importantísimo, me vestí y salí corriendo a la calle. La luz clara, el rumor del mar, con su aire húmedo, y las voces sonoras de la vida de la ciudad... Mi alma dejó de esperar la muerte inmediata y aun la muerte en general.

¡Vida! ¡Vida, qué maravillosa eres y cómo te amo! ¡Hola, sol; hola, mar! Yo vivo, vivo, vivo. Vi una ama de cría con su niño y recordé a sultán. ¡Es gracioso, simpático! Seguramente que, a estas horas, se pasea en su cochecito con el puerco en los labios o está revolviendo la arena. Necesito verlo. Me voy al parque.

Como pájaros, los niños gritan en el parque. Como flores alargadas, pintorescas, mueven sus cabecitas en la arena. Pero sultán no está. Mi sultán no está. Recorrí todos los senderos y rincones y no está sultán. Y sentía tantos deseos de ver a este pequeño hombrecito y pensar "¡Tú eres mi hijo!" Me senté, volví a poseer con la continua esperanza de encontrarle en alguna parte. Tenía hambre. Me acomodé en la terraza del restaurante y

¡Jefe el almuerzo. Comía y miraba al mismo tiempo al paseo que veía desde la entrada.

No. Me intranquilizaba. Me acometía cierto apresuramiento. Algo debe haber ocurrido allí. De lo contrario, sultán estaría aquí. Como si alguien me llamara calladamente a casa, dejé el almuerzo y me dirigí rápidamente al hotel. Anduve por el pasillo. Silencio. Me acerqué a la habitación de sultán. Silencio. Miré alrededor. No hay nadie que pueda verme. Entreabri la puerta y miré hacia dentro... ¡Está vacía!

—Oiga, la habitación vecina ¿está libre?

—Sí, señor.

—Aquí había una mujer con un niño. ¿Adónde?...

—Se marcharon.

—¿Cuándo?

—Hoy por la mañana. Todos. Y el señor con la señora.

—¿Adónde?

—Al extranjero.

—Debe haber una carta del señor para mí.

—No lo sé. A mí no me han dejado nada.

—Usted ha confundido algo. Yo le pregunto por Katerina Vladimirovna.

—Ni más ni menos. De ellos hablo yo. Según he podido comprender por su conversación, marcharon a Niza.

—¿Adónde?

—A Niza. Es una ciudad.

—¡A Niza, a Niza! Sí... Es extraño.

Me metí en mi habitación y rompí todas las cartas sobre las que poco antes había llorado. Rompía y reía a carcajadas y, al mismo tiempo, lloraba. Después me senté en la mesa y escribí:

A Niza. Apartado de Correos.

Tres de ti, infante y bonito animal, va todo el odio y desprecio con que has envenenado mi alma.

Es preciso marchar. Es preciso marcharse cuanto antes mejor. ¡Mamá! Es preciso marchar cuanto antes. ¡Querida mamá, sálvame!

E. N. ČIRIKOV:

M L Á D Í

ROMÁN

Z RUŠTINY PŘELOŽIL

EMERICH ČECH

NAKLADATEL
JOS. R. VILÍMEK
V PRAZE

Страница испанского издания романа Е. Н. Чирикова «Юность» в серии «Русские мастера». Eugenio Chirikov "Pasos de Juventud" («Юность», роман, 1-я часть тетралогии «Жизнь Тарханова»), серия Maestros Rusos, том 4 (Ф. Сологуб, Е. Чириков, А. Куприн, И. Бунин, Л. Андреев) (стр. 188–475)

Издательство Planeta, Барселона. Второе издание, август 1962 года

Стр. LXXI–XCI Eugenio Nikolaevich Chirikov (1864–1932)

русском языке? У вас есть текст этой книги для переиздания?

Я желаю вам географического расширения деятельности по популяризации творчества вашего прадедушки!

Надеюсь, мы можем подружиться!

С уважением, Вета Шеина.

Мы действительно подружались. И подружил нас роман прадеда «Юность». А сейчас вместе с

Обложка чешского издания романа Е. Н. Чирикова «Юность»

Е. Н. Čirikov "Mládi" (роман «Юность», 1-я часть тетралогии «Жизнь Тарханова»). Шестое издание

Издательство V Praze. Jos. R. Vilímek, Прага, 1927 год

Автор статьи Михаил Александрович
Чириков, правнук писателя Е. Н. Чирикова

Ветой мы думаем о возможности издать этот роман в Беларуси.

Когда в 2016 году в Минске открывалась большая выставка о жизни и творчестве Е. Н. Чирикова, Калерия Иосифовна в свои 90 с лишним лет приехала на торжественную церемонию и выступила с проникновенной речью об истории своего имени, пришедшего к ней из романа «Юность».

Время бежит неумолимо, меняются поколения, но приходят к нам из прошлого дорогие нам лица не только предков, но и литературных героев любимых романов.

Михаил Чириков, директор музея Евгения Николаевича Чирикова в Нижнем Новгороде

4 апреля 2017 года, Нижний Новгород

